

О панметодологии и методологии с ограниченной ответственностью, о корнях культуросообразности и персонализма

<http://oralhistory.ru/talks/orh-1441>

11 июля 2012

Собеседник

Розин Вадим Маркович

Ведущий

Буданов Владимир Григорьевич

Дата записи

Беседа записана 11 июля 2012 и опубликована 8 апреля 2013.

Введение

Во второй беседе Вадим Маркович Розин рассказывает о своем пути в науке, о разногласиях с Г.П. Щедровицким, о том, как эти разногласия и собственные исследования привели к созданию концепции, которую он назвал методологией с ограниченной ответственностью. Ученый размышляет о том, как его концепция может изменить взгляд людей на существующую реальность, преодолеть социо-гуманитарную разобщенность современных обществ и по-новому подойти к организации человеческой жизни.

Владимир Григорьевич Буданов: Мы продолжаем экскурс в методологию, вы у нас как методолог «номер раз» выступаете. В прошлой беседе мы говорили о становлении вас как методолога, как философа. Много внимания было уделено школе Щедровицкого и ее эволюции. Сегодня я хотел бы обсудить тот оригинальный путь методологии и философии науки, который вы сформировали, и его перспективы. И посмотреть, насколько общество резонирует на те идеи, которые современное методологическое знание ему предлагает. Если можно, начать с того образа мейнстрима, если можно так сказать, который у вас сформировался. Ведь когда-то появилась некая своя концепция, как она развивалась? Хотелось бы еще по ходу дела соотноситься с тем, что было за рубежом, и на что вы опирались. Есть ли параллельные методологические концепции и в философии науки, как, например, у Степина Вячеслава Семеновича эпистемологический конструктивизм. Я так понимаю, что шло параллельно многое и какие-то места параллельно переоткрывались даже в другом языке.

Вадим Маркович Розин: Я бы начал вот с чего. Когда я пришел к Георгию Петровичу Щедровицкому, то передо мной была поставлена задача проанализировать происхождение «Начал» Евклида, то есть формирование математики от нуля до «Начал». И в качестве метода был предложен вариант метода восхождения от абстрактного к конкретному, который в своей кандидатской диссертации развивал Александр Александрович Зиновьев.

Математика от нуля

В.Б.: Можно сразу уточняющий вопрос? Правильно ли я понимаю, что все-таки речь идет не о том, что Евклид с нуля что-то сделал, а это был компендиум знаний того времени, поэтому, наверное, Евклид — это некий итог пути?

В.Р.: Да, конечно. Как раз так и понималось. И мои исследования, а также исследования Иоасафа Ладенко, который примерно над тем же работал, показали, что «Начала» Евклида — итог большой эволюции. Эта эволюция начиналась в земледелии, в древнем земледелии, когда были созданы планы полей и расчеты площадей полей. А потом все это было связано с переделами полей, соединениями полей и так далее.

В.Б.: Сбором налогов, наверняка.

В.Р.: Сбором налогов, да. Это один этап. Потом как бы над этим надстраивалась своего рода математическая семиотика. Чтобы решать все эти задачи: раздела, передела, сравнения полей, вычисления площадей, потребовалось развить язык. Это еще не была математика, но в ней уже фиксировались отношения, которые математически оформлялись уже потом в планиметрии.

В.Б.: Насколько я понимаю, все-таки речь идет о тех знаниях, которые в Грецию пришли.

В.Р.: Да, это все относилось к шумеро-вавилонской математике. И третий этап, уже собственно формирование античной математики и «Начал» Евклида. Так вот, эта задача была передо мной поставлена, и предполагалось, что решить ее можно с помощью восхождения от абстрактного к конкретному — вариант такой генетический. А смысл состоял в том, что есть какое-то старшее состояние, предполагается, что это сложное органическое образование, в данном случае математика. Нужно сначала открыть проблематизацию, посмотреть, как это пытались объяснить другие исследователи, какие там возникали проблемы. Затем предполагалось, что нужно, как бы двигаясь назад, с точки зрения происхождения, то есть к истокам, выйти на некоторые элементарные структуры — клеточка это называлось. Затем эту клеточку разворачивать назад, объясняя сложное органическое целое. Идея Маркса, только предполагалось, что ее нужно применить к математике. Это одна была новация. А вторая новация предполагала, что математическое знание может быть понято через семиотическое истолкование. То есть, что это система знаний.

В.Б.: Греки вряд ли Маркса читали (*усмехается*), по неграмотности своей.

В.Р.: Естественно, речь идет об исследовании.

В.Б.: А, может быть, у Платона что-то подобное было? Эйдос, который спускается...

В.Р.: Нет, это все-таки действительно оригинальная марксистская задумка.

В.Б.: Это метод реконструкции, а не то, как они исторически...

В.Р.: Метод реконструкции, потому это и называлось псевдогенетическое исследование. Псевдо. Прекрасно понималось, что это метод реконструкции, что это конструирование особое, что мы здесь объясняем логическую историю, а не реальную историю. Тут все хорошо было проработано Зиновьевым, Грушиным, Щедровицким, Ладенко, все было хорошо сделано. Такой особый метод реконструкции — интерпретация в семиотическом плане.

” То есть предполагалось, что математика — это системы знаков или знаковые системы, которые возникают в ответ на проблемы или ситуации разрыва, как их называют в производстве. Сначала в производстве, а потом как бы одни знаковые системы надстраиваются над другими.

В.Б.: В практике?

В.Р.: Но практика семиотическая уже. Сначала практика практическая, то есть земледелие, работа с полями и так далее, а потом второй слой, уже практика решения задач по поводу, с опорой на планы полей и расчеты.

В.Б.: Здесь действительно перед глазами есть некое поле, феноменологическое, жизненного мира людей, древнего, и мы реконструируем, как это знание могло вырастать.

В.Р.: Нет, не совсем так. Предполагалось, наоборот, что надо смотреть то, что остается в текстах. Есть тексты, и надо... была даже такая идея, что логика есть эмпирическая наука. В этом смысле был очень сильный естественнонаучный ход. Есть тексты, например, уже вышли хорошие работы Ника Баура, где анализировалось, как древние шумеры, вавилоняне решали эти задачи, какие там были таблицы, вычисления. То есть были тексты. Как раз предполагалось, что это строгий объективный анализ научный, тут естественнонаучный сильный ход, что это строгий анализ. Есть тексты, и через тексты идет реконструкция. С опорой на тексты.

В.Б.: Тексты как факты?

В.Р.: Тексты — то, что вместо фактов. И я начал реализовывать эту программу довольно успешно. Она хорошо получалась до того, как я доходил до античности. Шумеро-вавилонскую математику, самый пик происхождения из земледелия, удалось объяснить довольно успешно.

В.Б.: А можно еще такой вопрос, иначе это уйдет в глубину, в тысячелетия. Египтяне очень увлекались именно стереометрией, понятно, пирамиды же строили. Это была некая, так сказать, форма деятельности целого народа. И если в Вавилоне, как я представляю, было не очень сакрализовано это знание, то есть оно было и в текстах отражено, то все, что связано с формулами усеченных пирамид, как рецепт давалось. Никто не знает, откуда появилось. То есть у них немножко другая математика была.

В.Р.: Нет, и у шумеров это было рецептурное знание. Но я как раз смог реконструировать, как оно было получено. То есть я смог в рамках этой программы реконструировать их рецептурное знание и показал, как оно формировалось и возникало. И были первые работы, например, до сих пор считается относительно классической «Семиотический анализ математических знаний», где я показываю, как формировались системы исчисления в Древнем Египте, как это все усложнялось. Потом я так

же показываю, больше на материале шумеро-вавилонском, как формировались вычислительные методы в рамках работы с полями, передел полей.

В.Б.: То есть твоя позиция, что ничего загадочного, ничего привнесенного, ничего переоткрытого в этих культурах не было, они как бы логическим образом из самих себя эти знания получали?

В.Р.: Да, совершенно верно. Более того, когда я тебе рассказывал историю с защитой моей, говорил, что легче всего было дать отрицательный образ математикам, потому что я показывал, что историки математики мистифицировали этот процесс. Почему?

В.Б.: Я тоже много мистики слышал.

В.Р.: Потому что когда перевели глиняные книги, шумеро-вавилонские, а это 2-е — 3-е тысячелетие до н.э., то там вроде бы получалось, что они решали уравнения с двумя, тремя неизвестными, что у них якобы была алгебра, но только языка алгебраического не было. А потом она была утеряна и открыта через две тысячи лет. Я показываю, что это происходит из-за неправильной реконструкции, потому что историки математики ничего кроме математики не знали, и когда видели решение задачи, единственное, что делали, подставляли свои алгебраические или геометрические... И у них получалось, что шумеры умнее, чем современные математики, которые без языка математического эти задачи решать не могут, а они как-то решали. Но я показываю, что это все не так, что у них были свои способы решения, очень специальная система числовая, чертежная. Планы полей вместе с чертежами образовывали некий язык, в котором эти задачи решались способами, вполне доступными уровню того их развития. То есть никакой мистики там не было.

В.Б.: То есть ты их немножко обидел и развенчал?

В.Р.: Ну да. Я не так давно выступал в Астро-ТВ, есть такая новая телевизионная студия, они все любят мистику, а я им показывал, как в Шумере нормально развивалась наука, то есть предпосылки науки. Это еще не было наукой. Но когда я стал переходить уже собственно к античной математике, к «Началам», этот подход не срабатывал.

В.Б.: Но там другая культура, они же скотоводы.

Начало собственного пути

В.Р.: Там что-то другое было. И здесь у меня пошла уже одна из линий споров со Щедровицким, с моим учителем. Он говорил, мол, ты недостаточно успешно это делаешь. Надо продолжать это делать, и рано или поздно получится. А я уже почувствовал, что там произошел какой-то резкий перелом, какая-то дискретность была. Если до этого можно сказать, что шло развитие с постепенным усложнением, с какими-то снятиями, но все-таки это было непрерывное движение, то при переходе к античной культуре я почувствовал, что произошел какой-то скачок, как говорили марксисты, скачок, дискретность.

Там появились фигуры отдельных ученых, мыслителей, которых до этого не было. Еще один момент интересный, я показываю это в своих исследованиях до античной культуры.

Тогда по сути человек являлся скорее элементом культуры. Это не было изобретением отдельных людей, это был некий процесс, естественноисторический скорее, где было задействовано много людей. И знания, которые там создавались, в них часто несколько поколений участвовало. И они не рассматривались как авторы.

В.Б.: То есть авторства не было.

В.Р.: Не было. Более того, осознавалось все всегда сакрально и приписывалось богам. А вот когда переходишь...

В.Б.: Поэтому табличку изменить при переписи считалось самым страшным грехом, и казнили сразу.

В.Р.: А при переходе к античности появляются уже, действительно, какие-то личности, индивиды и так далее.

В.Б.: Вероятно потому, что это была мессианская деятельность по переносу знаний из Вавилона в Грецию, и это были уже авторы.

В.Р.: Нет, дело в другом. Во всяком случае, это была первая точка перелома. Это относится примерно к середине 60-х годов. До середины 60-х годов я работал в рамках первой программы так называемого Московского методологического кружка. А здесь у меня возникли проблемы, и я стал задумываться, применим ли этот метод — псевдогенетического исследования — к анализу собственно «Начал» Евклида. Это одна вещь, а вторая вещь была связана с тем, что я стал уходить больше в гуманитарную науку и психологию, потому что меня пригласили музыковеды, чтобы я им помог в их методологических изысканиях. И я начал вести сначала домашний семинар, в нем участвовал Миша Патуш. Михаил Патуш, музыковед, он писал диссертацию, я ему помогал писать диссертацию. А потом я перешел в Институт Гнесиных и сначала вел кружок, а потом лет пять семинар, который назывался «Методологические проблемы искусства в связи с общими проблемами искусства».

В.Б.: Это было на общественных началах, ты же не реально работал в Гнесинке?

В.Р.: Сначала это действительно была общественная... а потом был спецкурс, за который даже какие-то деньги получал.

В.Б.: Но не трудовая книжка?

В.Р.: Нет, нет, но это была уже вполне официальная вещь.

” И здесь я все больше стал интересоваться тем, что такое искусство, хотя при этом все равно реализовал методологический ход. Меня прежде всего интересовало, как мыслит искусствовед. И через мышление я пытался понять, что такое искусство.

В.Б.: Может, еще и чувствовать?

В.Р.: Моя позиция была именно такова: через мышление, через мышление искусствоведа. И третье отклонение от той линии, которая была в Московском методологическом, это мое занятие психологией. Тут тоже начались семинары домашние, сначала на квартирах, а потом уже на факультете психологии МГУ, года через два-три, где я начал с Андреем Андреевичем Пузырёвым (он сейчас доцент на психологическом факультете МГУ). Мы начали с ним вести семинар, и психологический, но больше методологический семинар. Это очень отвечало вообще моим человеческим интенциям, потому что меня всегда интересовало, хотелось понять, что такое человек — отсюда психология. И второе: меня уже тогда интересовало, почему искусство на нас оказывает такое магическое действие.

В.Б.: У тебя подход к человеку совсем широкий, это скорее антропология, чем психология.

В.Р.: Вот на этой развилке я начал искать что-то другое, чем деятельность. Дело в том, что в то время в Московском методологическом кружке, где я учился и потом работал, сменилась онтология. Сначала была онтология мышления, считалось, что основная реальность — это реальность мышления, и на этом, кстати, была завязана методологическая программа. Почему? Потому, что это программа, как я говорил, шла от Бэкона и Декарта, которые заявили, что главной наукой является наука о мышлении. Кстати, эту позицию я сохраняю до сих пор. Для меня, чтобы понять явление, надо проанализировать, как мыслит

человек? Как он разворачивает дискурс по поводу некоего явления? И внутри, как мне кажется, появляются черты этого феномена, то есть ему приписываются, по Канту, особые характеристики. Это потом в поисках механизмов развития мышления вышли на теорию деятельности.

” Тут очень интересный момент. Дело в том, что когда речь идет о мышлении, всегда возникает вопрос: хорошо, вы пытаетесь анализировать, а вы – то как мыслите, кто вами управляет? Где та опора, которая позволяет вам думать, что вы сами правильно анализируете мышление, то есть, что вы сами правильно мыслите?

В.Б.: Это как бы шаг индукции или рефлексии, которую непонятно, где оборвать.

В.Р.: Тогда был такой ход Щедровицкого и К⁰. Они сказали, что этим основанием выступает деятельность. Почему?

В.Б.: Она интерсубъективна.

В.Р.: Она интерсубъективна, в ней законы как бы лежат, и одновременно сам человек осуществляет деятельность.

В оппозиции

В.Б.: Она самоподдерживающаяся.

В.Р.: Да, это некая замкнутая система. С одной стороны, ты в ней двигаешься, а с другой, ты получаешь основание для своей деятельности. Сегодня я думаю, что это, конечно, странная идея, потому что получается, как будто паук сам из себя создает мир. А тогда был такой ход, и он казался очень естественным. Но когда я, во-первых, понял, что мне не удастся реализовать программу первую, переходя к античности, во-вторых, я стал интересоваться психологией, точнее, персонологией — человеком и искусством. Да, и с третьей стороны, я стал думать, что такой подход... Георгий Петрович реализовал всегда естественнонаучные, в основном, планы, социо-технические отношения, социально-инженерные.

В.Б.: Физик, физик, чего там.

В.Р.: Я же, когда стал думать, понял, что меня это не устраивает, меня, скорее, интересует гуманитарный подход. Я к этому времени уже стал читать Дильтея, который резко заявил оппозицию к естественнонаучному подходу, если мы изучаем явления духа, как он говорил.

В.Б.: Науки о духе, науки о природе...

В.Р.: Поэтому у меня произошла сдвигка, это где-то 66-й — 67-й год. Во-первых, я выстроил оппозицию естественнонаучному подходу и социально-инженерному. Не естественнонаучный, а гуманитарный, не социально-инженерный, а какие-то более культуросообразные действия.

В.Б.: Человекообразные?

В.Р.: Да, человекообразные. Это первая была оппозиция. Вторая оппозиция: не деятельность. Для меня стало понятно, что деятельность очень сильно завязана с марксизмом, на установки какие-то марксистские, и эта замкнутость меня не устраивала. Значит, не деятельность, и я выхожу на две вещи. Сначала я выхожу на культуру, а потом на личность. Почему на культуру? По нескольким причинам. Во-первых, потому что как раз в это время начала развиваться культурология отечественная, я Арона Яковлевича Гуревича начитался и, главное, увидел, что можно дискретность реализовать, культуры позволяют...

В.Б.: Да, у них есть переходы и скачки.

В.Р.: ...позволяют и исторический подход реализовать, но в тоже время рассматривать его как дискретное движение, потому что пока ты внутри культуры, ты имеешь определенный... а при смене культур происходит резкий переход.

В.Б.: То есть ты на самом деле понял, что деятельность — это только фрагмент культуры, один ее страт.

В.Р.: Совершенно верно, совершенно верно. И так, первая сдвигка была в культуру, при этом я сохранял методологический ход, интерес к мышлению большой, то есть значение мышления. Вторая — семиотический подход, потому что для меня сначала культура выступала как сложная семиотическая система. Это вполне соответствовало семиотическому тренду того времени: Лотман и другие. Это хорошо ложилось, но в тоже время идея дискретности меня очень грела. И еще одна вещь тут была очень важна. Культура связана с *видением* эпохи, вот *видения* у Щедровицкого не было. У Щедровицкого был чистый операционализм семиотический, а *видение* проваливалось в его системе. А тут как раз можно было реализовать идею *видения*.

В.Б.: Неявное знание, которое передается от среды...

В.Р.: От человека.

В.Б.: ...от человека, да, при этом оно не проговорено, хабитус, много бессознательных моментов.

В.Р.: И еще культурологический ход чем меня грел. С одной стороны, конечно, культура выстраивалась в оппозиции к природе, как гуманитарное образование, как основание для гуманитаристики всей. Но с другой стороны, как ни странно...

В.Б.: Она в контакте...

В.Р.: ...в контакте, поскольку тоже можно как бы законосообразность некоторую... Дело в том, что это своего рода эквивалент природы. Как природа с ее законами, но для естественнонаучного хода, так здесь идея культуры — это тоже законосообразность, но для всего цикла гуманитарного.

В.Б.: Человек двойственен: он существует одновременно в двух этих ипостасях.

В.Р.: Но тогда я это еще недостаточно понимал, тогда я, скорее, выламывался из старого, и для меня важна была оппозиция. А то, что ты говоришь — правильно, но это я позже уже понял.

В.Б.: Я называю это лабораторией природы и лабораторией культуры.

В.Р.: Совершенно верно. Второе — очень важная для меня сдвигка онтологическая и по подходу — как раз идея личности. Когда я пытался понять, а в чем же дискретность при переходе к античности, то понял, что тут была не просто смена культуры, а сама культура появляется на новом антропологическом типе, на новом типе человека. Это человек, который переходит к самостоятельному поведению, который не вписывается в общие структуры.

” До античности вообще не допускалось самостоятельное поведение, а здесь человек начинает действовать самостоятельно, вырывается из общественных общих взглядов. Раз он вырвался, ему приходится для себя выстраивать весь мир, то есть он пытается выстраивать свою жизнь вместе с миром.

Для меня это была колоссальная вещь, потому что я через это...

В.Б.: Вадим, ведь есть предыстория античная и, скажем, у греков есть рок. Рок — то, что тебе прописано судьбой.

В.Р.: Да, это еще от старого идет.

В.Б.: Идет от старого, а человек начинает уже...

В.Р.: Сократ, который начинает против общества восставать...

В.Б.: Против судьбы. Ты творец — свобода появляется.

В.Р.: ...против смерти. Он говорит: с хорошим человеком ничего плохого и там не будет, его боги и там поддержат. То есть совершенно переворачивает все общие вещи, трактует их лично. Более того, впервые высказывает формулу самостоятельного выстраивания жизни, сценарий. Он говорит: где человек себя поставит, там он и должен стоять, невзирая ни на что, даже на саму смерть. А Апулей потом, уже в конце античности, четко сказал, что не то важно, где человек родился, а по каким принципам он решил прожить свою жизнь. Появляется совершенно новый антропологический тип. Поскольку культура к этому не готова была, возникает жуткий конфликт, с Сократом, мы знаем, чем это кончилось. Но постепенно культура начинает поворачиваться к человеку, как я показываю в своих исследованиях, создаются особые практики, которые уже лично ориентированы, и сама культура начинает в связи с этим перестраиваться. Все культуры, начиная с античности, лично уже ориентированы. И хотя вначале слой тонок, но уже культурное время ориентировано прямым образом на личность, на ее развитие. Это еще одна вещь. Итак, у меня происходит очень существенная трансформация своих представлений. Я меняю и методологию с естественнонаучной на гуманитарную, социо-техническую на другую, и меняю онтологию: идея культуры, идея личности, а деятельность — момент, всего лишь момент.

В.Б.: Важный момент.

В.Р.: И здесь дальше происходит интересная вещь. Раз я поменял основания, то должен уже сам выстраивать исследование заново. Если раньше я брал ту программу, которую мне предложил Московский методологический кружок и конкретно Георгий Петрович Щедровицкий, то теперь я вышел из этого кружка и начал эти программы обустраивать. Во-первых, их нужно было обустроить, продумать, развернуть, я эти принципы продумывал и разворачивал. И, во-вторых, я начал вести исследование по-новому. Кстати, здесь уже довольно успешно объяснил античную науку и пошел дальше...

В.Б.: Евклид через... века полтора, наверное, был после Сократа? За это время общество как бы поменяло онтологический базис.

В.Р.: Поменяло. Там другие практики... я еще показываю очень важную вещь: одной из лично ориентированных практик было изобретение рассуждений. Способ получения одних знаний на основе других без обращения к опыту. До этого, как правило, знания получали через опытную проверку. А здесь стали строиться дискурсивные способы. Они, кстати, тоже были связаны с личностью. Дискурсивные способы построения знаний были связаны с личностью, они давали и эффект очень большой, и парадоксы, и на основе этого уже начало строиться мышление, логика, онтология и новые науки.

В.Б.: Конечно, юриспруденция вроде бы попозже, но, по сути, задание законов в жизни античной — некий аналог заданий аксиоматики. То есть юриспруденция в эпоху Возрождения вытаскила науку, так же, по-видимому, по образу ее и аксиоматизация математики могла происходить. Я, может быть, несколько...

В.Р.: Ты тут не совсем прав, у меня есть исследование права, на твою беду.

В.Б.: *(усмехается)* Думаю, у тебя на всякий случай исследование есть. Но генетика могла быть и такой.

В.Р.: Главное там все-таки — это становление личности, становление лично ориентированных практик, одной из которых, кстати, являлась и практика юридическая.

В.Б.: Юридическая практика без личности вообще невозможна.

В.Р.: Становление этих практик, становление личности, становление новой культуры, античной

собственно, вот эта линия вся дала возможность объяснить и античную математику, и пойти дальше в объяснении других, естествознания, например. Этот этап чем завершается? Где-то в 70-е — 80-е годы я вышел на новое видение реальности. Смотри, когда я формулировал эти принципы, это были еще скорее установки мои, скорее методологические программы.

В.Б.: Надежды.

В.Р.: Да. Но поскольку мне удалось развернуть их в нормальные исследования, и я смог объяснить и становление математики, потом смог объяснить становление естествознания, худо-бедно, потом права, и так далее, то передо мной открылся новый мир.

В.Б.: Для меня всегда было загадкой: почему Вадим Розин пишет огромное количество книг по самым разным разделам. А теперь понимаю, что был проект, в котором по-другому нельзя.

В.Р.: Да, это был проект.

” Я реализовывал проект, который строился на культурологическом исследовании, на семиотическом (это шло еще от первой программы) и на персонологическом, личностном. И это очень хорошо работало.

Если бы это не работало, если бы я снова столкнулся с тупиками и мне не удалось бы эти вещи понять, проработать и объяснить, то, конечно, я бы остановился. Но это оказалось очень эффективным в плане исследования, понимания реальности и решения этих проблем. Поэтому к концу 80-го года я стал видеть новую реальность: реальность культуры, реальность семиотическая, реальность персонологическая, личности.

В.Б.: То есть многомерность, но не бесконечная, а вполне связанная, конкретная.

В.Р.: Нет, нет, она строилась на трех-четырёх китах. И в результате где-то в середине 80-х, к концу 80-х передо мной встала еще задача сборки этого. Потому что я вначале шел как бы отдельными путями, например, анализ культуры — я разворачивал всю эту линию. Поскольку я принял идею культуры, то я старался понять, как культура устроена, как одни культуры сменяют другие, у меня есть соответствующие исследования, книги написаны. Точно так же с личностью. У меня есть цикл исследований по личности, как она складывалась, начиная с античности. Есть целый цикл исследований с мышлением и философией, начиная с античности.

В.Б.: Я так понимаю, что у тебя не только массовые, ты и исследованием эзотерики занимался.

В.Р.: Ну да, все, что в культуре создавало основы, я пытался понять. А когда я поставил задачу сборки, мне пришлось начать новый цикл исследований. Нужно было понять, как одно связано с другим. Наиболее простой пример, как я анализировал платоновский «Пир». С одной стороны, вроде бы Платон — личность, он себя реализует и так далее. Здесь я мог просто разворачивать «Пир» как результат реализации личности Платона. Но поскольку одновременно меня интересовала связь личности с культурой, я начал такой переброс к мышлению. Я стал смотреть, что Платона, когда он пишет, что его обуславливает в культуре? Оказывается, это можно было понять. Например, Платон, когда пишет «Пир», решает очень актуальную культурную задачу, вызов культуры новой. А именно в это время складывается личность античная, она не может любить по-старому со старыми богами. Требуется обустроить практику новой любви, чтобы личность могла любить, чтобы не боги выбирали и направляли. Таким образом, я начинаю понимать, как связана культура и творчество личности. А как Платон решает эту проблему? Оказывается, он ее решает совсем не так, как Аристотель, не дискурс выстраивает, как Аристотель, а он, оказывается, строит схемы сначала, а потом на основе схем дает определения. Через это исследование, как пример, я завязываю между собой культуру, личность и мышление.

Второй пояс исследований был связан с тем, что я начал собирать, сборку осуществлять. Я начал новый

цикл исследований, чтобы понять, как связаны между собой...

В.Б.: У тебя такой метод — структуралистский взгляд на всю антропосферу?

В.Р.: Да. И в результате я действительно эти связи стал устанавливать, и для меня они стали сходитьсь. А во что это вылилось, в конце концов, — это третий шаг, третий этап?

В.Б.: Это уже 80-е и 90-е.

Симбиоз

В.Р.: Да. Я понял, что здесь нельзя выстроить единую онтологию, тут скорее есть симбиоз. Тут одни целые живут на других целых. Например, оказывается, личность образует своего рода самостоятельную социальность, она не внутри культуры, хотя она и внутри культуры. Если брать до античности, внутри человека существовал социум и всё, он был элементом социума, а с появлением личности мы можем говорить, что возник новый тип социальности, который живет на культуре, а культура живет на личности.

И я вышел на некую сложную картину симбиоза, симбиоза пяти целостностей, а именно: социум, личность, культура, мышление, общество.

” По моим исследованиям получается, что наша реальность — это реальность прежде симбиотическая. То есть нельзя ее выстроить как одну онтологию и сказать: только социальные отношения, или только человек, или только мышление. Оказывается, эти вещи подчиняются законам симбиоза.

В.Б.: У тебя такой биоценоз...

В.Р.: Да, биоценоз, форма жизни, но социальная. Возвращаясь к той же иллюстрации с Платоном. Конечно, Платон реализует, прежде всего, свои потребности, свои ценности, но он при этом отвечает на вызов культуры, на вызов времени. И если творчество личности совпадает с запросами культуры, вот такой симбиоз...

В.Б.: То есть идею античной гармонии можно в твоём языке понимать как создание такого ценоза антропологического и чтобы он был целостным.

В.Р.: Да. И когда каждая целостность работает не только на себя, но работает одновременно на другие целостности, тогда и получается органическое в жизни этого сложного образования. Естественно, чтоб тут не было мысли о редукции, я довольно подробно обсуждал, чем, например, форма социальной жизни и культурной отличается от биологической. Но, тем не менее, такая идея действительно здесь, как ни странно, получилась.

В.Б.: В твоей схеме с редукцией вообще ничего не получится, честно говоря.

В.Р.: Да. Тут получается какая-то аналогия, частично, с тем, что Вернадский сделал. Очень интересная история. Сначала, до него, считали, что биологические способы определения геологических эпох — это просто индикаторы, по которым мы определяем природную жизнь геологии, природно-физическую жизнь Земли. А он все перевернул, сказал, что нет, именно жизнь определяла эти геологические вещи. Что ведущим и конституирующим, формирующим является жизнь. Здесь я совершенно безотносительно вышел на ту же идею жизни, сложной симбиотической жизни...

В.Б.: Но уже не косной природы и биологической, а социальной, духовной.

В.Р.: Социальной, культурной личности. Вот примерно моя эволюция, и в рамках этого до сих пор я веду

исследования.

В.Б.: Получается так, что есть разные культурные эпохи и этот ценоз, антропологический, который ты прописываешь, как целое. Но есть же мнение, что не виды эволюционируют, а именно ценозы, экосистемы. Ты к Средневековью мог перейти, в Новое время, посмотреть эти переходы.

Методология с ограниченной ответственностью против панметодологии

В.Р.: Да. И, последнее, если говорить о моей творческой эволюции именно в последние годы, поскольку я вернулся в методологическое движение. После смерти Георгия Петровича, моего учителя, я вернулся в это движение, очень активно в нем участвую. И снова вернулся к программе методологической. И что я понял? Эта программа вначале выстраивалась традиционно философски. Есть мышление, и если мы оседлаем мышление, будем правильно мыслить, то все остальное сможем понять и перестроить нужным образом. Потом второй был шаг, как я говорил, таким основанием является деятельность. А у меня это не так. Я раскрыл систему, сказал: ничего подобного, здесь есть другие основания: это культура, это творчество человека, это их взаимодействие, и вот через них я пересматриваю саму методологическую программу.

” Я противопоставил программе Георгия Петровича Щедровицкого, которую назвал панметодологической, в значительной степени она марксистская, конечно, я противопоставил идею методологии с ограниченной ответственностью, которая опирается на культурологию и персонологию.

В.Б.: Не безответственную методологию, а с ограниченной ответственностью.

В.Р.: Чтобы не было претензий на всеобщее управление, перестройку и так далее. Конечно, как и всякая методологическая работа — это все равно знания о мышлении, о том, как человек действует, но без претензий на нормирование, без претензий на глобальную перестройку всего, а наоборот, идея кооперации с разными представителями, с погружением в проблематику отдельных дисциплин. Я каждую почти область, к которой приступал, лет пять сначала просто осваивал с хорошим погружением, и...

В.Б.: Это как раз вызывает уважение.

В.Р.: ...и с идеей, последней идеей, методологического контроля собственного мышления.

В.Б.: А вот тут поподробнее, пожалуйста.

В.Р.: А это вот что. Я спорил сначала со Щедровицким, который говорил, что главное — это все-таки метод, если метод знаешь, то дальше будешь как фарш прокручивать. А я говорил, нет. Еще важно **видение**, **видение** феномена, но это не укладывалось в конструктивизм и методологическую... тем не менее, я на этом настаивал. А потом на меня большое влияние оказали два человека: Андрей Андреевич Пузырёв, который был большим поклонником Мамардашвили и Хайдеггера. Он развернул линию в методологии феноменологическую, он феноменолог, хотя прекрасно знает методологическую культуру, лучше его мало кто знает методологическую культуру. Но феноменолог вслед за Мамардашвили и Хайдеггером. А второй, Сергей Попов, ученик Щедровицкого, который наоборот предельно шел в социально-инженерную линию и схематизмы.

Если Андрей говорил, что главное — это не семиотика, не методы, а главное — все-таки правильно установиться. Нам только кажется, когда мы действуем методологически, что мы описываем мышление, которое вне нас. Мы, скорее, говорил Андрей, сами обусловлены, и надо все время ловить нашу

собственную испорченность, обусловленность ловить нашу. Как мы мыслим? Мы не описываем чего-то, а когда мыслим, каждый наш шаг должен готовить следующее мышление. И это очень важный момент, который я тогда уяснил, — мышление разворачивается имманентно. Кстати, у Щедровицкого кое-что из этого есть, мышление не столько отвечает на внешние вызовы, сколько разворачивается как федерация идей. Правильное мышление всегда преодолевает ту мысль (и у Фуко об этом), которая сегодня готовит следующий шаг, готовит следующую мысль. Вот Андрей Андреевич Пузырёв меня сдвигал.

А Сергей Попов сдвигал в другом отношении, он говорил: «Вот ты все время реализуешь исследовательскую позицию...» Я себя действительно опознаю как методолога-исследователя. А он говорил: «Исследование — это ерунда, главное конструирование, мы мир конструируем. И тут огромную роль играют схемы». Именно он склонил меня начать исследовать не только семиотические системы, знаки, но и схемы. Я тут сделал следующий шаг, от семиотики перешел к схемологии, как я назвал. У меня сейчас вышла книга, она называется «Введение в схемологию. Схемы философии, культуры, науки и проектирования». Я понял, что схема — это как раз то, что позволяет связать методологию с философией, методологию с другими. Потому что схема, по-моему, имеет очень интересную особенность. Она, во-первых, отличается от модели. Модель позволяет прогнозировать...

В.Б.: А почему это нельзя, скажем, назвать когнитивной графикой? В других традициях.

В.Р.: Можно, но чтобы не связываться с этой традицией...

В.Б.: С психологической...

В.Р.: Да. А тут как раз...

В.Б.: С философской.

В.Р.: С философской и семиотической, как бы продолжение семиотики, но и преодоление отчасти семиотики. Так вот. Схема, с одной стороны, является тоже объективным образованием, она может быть или графической или нарративной. Я показываю, что у Платона были схемы нарративные, кстати, он первый ввел понятие схемы, как показывает Лосев. Значит, во-первых, это объективные вещи, и их можно объективными методами... Во-вторых, они задают **видение**. А как появляется новое **видение**? Человек начинает по-новому видеть реальность. Откуда берется новая реальность? Вот я вам говорю: изобретаются схемы. Как Платон задал новое **видение** любви? Построил некий сложный нарратив, который выступает как схема. Она как бы открывает тебе глаза, ты начинаешь видеть иную реальность.

В.Б.: Как парадигмальные образцы в науке.

В.Р.: Да. Это одна вещь. Во-вторых, схема позволяет действовать, мы работаем со схемой как с семиотическим образованием. Можно из одной схемы сделать другую, преобразовать ее... то есть тут объективность есть.

В.Б.: Прагматизм некоторый.

В.Р.: И третий, очень важный момент. Я показал в своих исследованиях, что схема создается очень интересно, она создается, как бы позволяя человеку от проблемы перейти к **видению**, к объективности. Например, у Платона были проблемы: невозможность любить по-старому, нужно было получать знания непротиворечивые, нужно было себя реализовать. Я назвал это проблемной ситуацией, потому что здесь не одна проблема, а целый комплекс. И что он делает? Он осуществляет совершенно потрясающий скачок: изобретает схемы, нарратив сложный, где, с одной стороны, задается **видение** новое, а с другой стороны, эти проблемы как бы решает. То есть, оказывается, схема — такой конструкт особый, в отличие от знака, который позволяет от наших проблем переходить к **видению**. Дальше это превращается в объект, и на этом разворачивается действие.

То есть оказалось, когда я провел такой цикл исследований, это то, что как раз позволяет и методологию разворачивать, и объяснять появление нового **видения** в культуре, и связать методологию с философией,

и получить дополнительно объективный метод исследования, очень эффективный. Поэтому один момент в пересматривании методологической программы — развитие методологии в плане схемологии. В этом смысле схемы — язык методологии, если упростить. Это одна линия. А вторая линия — проблема осознания и контроля за своими способами работы. Схема — тоже частично контроль, но все-таки... предположим, если я говорю, что нужен не естественнонаучный подход, а гуманитарный. Что я под этим понимаю? Когда я говорю о гуманитарном подходе, то его я ставлю в оппозицию к естественнонаучному подходу, я ставлю его в оппозицию к пониманию объекта естествознания.

В.Б.: Вадим, поскольку твой ландшафт так обширен, что в нем и естественнонаучные, и гуманитарные со всеми признаками размещены, то конфигуратор на таком ландшафте тебе составить, в общем, труда не представляет. Но надо было сначала нарисовать этот ландшафт...

В.Р.: Надо было сначала понять, что если ты не двигаешься одновременно в двух планах, а не просто изучаешь, то одновременно ты двигаешься относительно себя, и все время себя здесь контролируешь. Ставишь вехи, задаешь вопросы — почему ты так делаешь? рефлексируешь и демонстрируешь другим.

В.Б.: Вадим, а ты пробовал такую вещь...

В.Р.: Сейчас, подожди. Я это особенно хорошо понял на преподавании. Даже первокурсникам я преподаю по-новому совершенно, как раз методологически, но все время рассказываю, почему я так делаю. Все время показываю, что это моя конструкция, она исходит из того-то, из того-то, что это не абсолютное знание, оно открыто для критики, что другие люди по-другому это делают, и так далее.

В.Б.: Вот, к тому вопросу, который я хотел задать. Твою схему можно видеть не только из той культурной позиции, в которой она уместна и гармонична, но и из другой культуры.

В.Р.: Совершенно верно.

Практика схемологии

В.Б.: И здесь возникают разломы, конфликты, которые можно разрешать. К этому моменту я хочу перейти чуть позже. Мне ближе все-таки наука, так вот как происходит междисциплинарная сборка и проектов, и анализа, и экспертизы? Твой подход, в общем-то, здесь мог бы быть очень эффективным. Наверняка ты на эту тему думал. В позитивистской традиции понятно, есть эксперимент, понятие факта, есть интерпретация и так далее, и так далее. Все это выросло из базы, которой лет триста, а если механику брать, все две тысячи. А что у тебя? У тебя созданы разметки тех пространств, которыми, в общем-то, естественная наука не занималась: культурные, семиотические и так далее. Идея маятника часов, мир как часы, с этого начиналась механика, потом мир как самоорганизующийся автомат — уже кибернетический образ, Винер. То есть парадигмальная модель. Как только поменялась схема, модель, это свидетельствовало о начале новой эпохи. И если в естествознании эти вещи безусловно проиграны, что понятно, то твоя конструкция, естественно, шире. Она включает в себя и сюжеты научные, но твоя технология как бы нащупана независимо и параллельно, то есть ты шел от более общего конструкта. В мировой практике, в традиции, те же структуралисты брали все-таки более локальные образования...

В.Р.: Да, да, конечно...

В.Б.: ...и анализировали их. Здесь и системный подход, естественно, представлен, но фактически ты сконцентрировал, сфокусировал свое внимание на технологиях выборов конфигураторов. Почему мы такой выбираем, почему так схема должны быть создана. И есть два вопроса. Это не значит, что на них известны ответы, но наверняка ты их тоже себе задавал.

Первый: как схема эволюционирует с этими разрывами и почему, есть ли в ней закон какой-то или... То есть эволюция и развитие, и культура, можно говорить и семиотическая: семиосферы, ноосферы человечества. Это первый. Есть ли закон истории культуры, в твоём **видении**? Потому что у тебя как бы синхронный срез, условно синхронный, так насколько он согласован в той или иной культурной

традиции?

Вторая вещь: как разрешаются конфликты? Конфликты разных антропоценозов, культурных образований. Потому что мир наш совершенно турбулентный, он постоянно связывается с какими-то войнами цивилизаций, этническими напряжениями, экономика уже оказывается массовой, и не только кейнсианской, финансовой. Исламская экономическая традиция — совсем другая экономика, и она чисто культурно обусловлена, в общем-то. Вот как разрешаются и есть ли здесь какие-нибудь перспективы, видения? Я уже иду, как говорится, в будущее.

В.Р.: Ты задаешь вопросы...

В.Б.: На которые, конечно, ответить не удастся сразу.

В.Р.: Они несколько перпендикулярные.

В.Б.: Конечно.

В.Р.: Поэтому я буду несколько сюжетов рассматривать, а ты влезай, если нужно.

В.Б.: Я и так влезая, с этим проблем нет.

В.Р.: Один сюжет такой. Я не только брал синхронно культуру, я как раз анализировал то, что назвал потом циклом существования культур. То есть я показываю, что культура имеет свою внутреннюю жизнь...

В.Б.: Это по Шпенглеру, по Сорокину, по Гумилеву...

В.Р.: Когда она складывается, то это, скорее, способ соорганизации, семиотической схемной соорганизации всех тех условий, которые к этому времени есть. И объективных условий, и возможности понимания человека, что тоже очень важно. Потому что для каждого исторического среза, оказывается, есть некоторая возможность человеку то или иное понять. Пока не прожито что-то, например, как в Средневековье идея, что есть Творец, что есть миссия... пока это не было прожито... Культуры складываются... как бы собирают и реализуют и систему объективных условий, и возможности понимания человека. Плюс, как правило, с этим связаны какие-то реальные трансформации. Вот простой пример. Как формировалась культура древних царств? Это как раз Древний Египет, древние шумеры и так далее? Там происходила очень сильная трансформация, а именно: люди переходили к интенсивному земледелию, это потребовало коллективного труда, поскольку там реки, каналы. Коллективный труд потребовал жесткого, вертикального управления и разделения труда. И, оказывается, идея богов как раз давала возможность человеку того уровня понимать свою деятельность в рамках разделения труда и жесткого вертикального управления. Идея бога — это, собственно, идея управления человеком в коллективных мегамашинах в условиях разделения труда. Я специально провел, на мой взгляд красивый, культурологический анализ, показывая, что бог понимался в той культуре, языческий бог, именно как управление вертикальное. Боги сопровождали каждую профессию в разделении труда и так далее.

В.Б.: Все-таки это не личный бог, а коллективный.

В.Р.: Нет-нет-нет, это коллективный.

В.Б.: Цеховой даже, может быть.

В.Р.: Это то, что обеспечивало действия человека в условиях разделения труда и жесткого вертикального управления — мегамашин. В рамках этой конструкции семиотической или схемной складывается то, что я называю базисный культурный сценарий или базисные представления культуры. Такая картина, когда утверждают, что есть боги, есть люди, боги управляют людьми и так далее. Это я назвал базисные культурные представления. Оказывается, они инвариантны в течение всей культуры. Это первое.

В.Б.: Всей культурной традиции?

В.Р.: Да, этой традиции. До античной культуры это действовало, несмотря на то, что представления о богах немного менялись, о людях, об отношениях людей, но эта центральная конструкция... своего рода культурный геном.

В.Б.: Там была, конечно, мутация мощная — Эхнатон...

В.Р.: Подожди. Это, может быть, был своеобразный культурный геном, культурно-семиотический геном. А дальше я показываю, что именно функционирование культуры ведет к усложнению жизни. Например, почему надо подчиняться не только жрецам, которые посредники между богами и людьми, и это понятно, но и царям? А цари-то тут причём?

В.Б.: Они, как говорится, освящены...

В.Р.: Нет. Изобретается институт обожествления царя. И начинается очень интересная вещь: базисный культурный сценарий усложняется, но так, чтобы он сохранял свою структуру. Да, есть люди, есть боги, но, оказывается, есть особые люди.

В.Б.: Герои у греков, полубоги.

В.Р.: Конечно. А дальше какая проблема возникает? Что делать, когда фараон умирает? Он же и бог, и человек? Отсюда целая революция: пирамиды, и всё... чтобы решить эту проблему, пришлось изобрести пирамиду со всеми очень сложными процедурами. Я показываю, что функционирование культуры автоматически ведет к тому, что начинает усложняться жизнь. Этот организм живет таким образом: с одной стороны, есть геном, и он все время должен сохраняться, но его все время штопают, усложняют, а жизнь все более и более структурируется.

В.Б.: Твоя концепция, на первый взгляд, все с чистого листа пять тысяч лет назад, но я так понимаю, что она допускает и ход к протоцивилизациям.

В.Р.: Ну конечно, я просто пример привожу. Я рассматриваю сначала архаическую культуру, потом рассматриваю происхождение человека, то есть ты совершенно прав: я пятился назад и пятился в другую сторону. Если я брал какую-то культуру, то шел назад, анализировал предпосылки.

В.Б.: Понятно. А реальные датировки могут изменяться, мы сейчас мало понимаем в этом деле.

В.Р.: Да. И закончу это. Итак, идет все время усложнение жизни в результате функционирования, и рано или поздно структура самой жизни начинает выламываться из базисных культурных сценариев, они уже как программы не обеспечивают усложнения.

В.Б.: Накапливаются генетические дефекты.

В.Р.: Не просто дефекты, сложно перестраивается жизнь, причём, я показываю, она кардинально перестраивается, а структуры продолжают сохраняться. Их штопают, добавляют, интерпретируют, но их сохраняют. И вот с какого-то момента, я это специально обсуждаю, возникает слом культуры, создаются антисценарии. Реагируя на жизнь, начинают описывать ее, и это начинает выступать как антисценарий, идет столкновение базисного сценария с антисценарием и разрушение культуры.

В.Б.: Так исчезла Европа сакральная, царственная, после революций.

В.Р.: А теперь очень интересный вопрос. Итак, одна культура распадается и начинает формироваться новая, а что жизнь-то приносит? Я показываю, что, оказывается, общество. Почему я ввел еще одну вещь, кроме культуры, — общество? Общество как сообщество людей, мы с тобой, предположим, мы друг друга понимает, мы одной крови.

В.Б.: Как Маугли.

В.Р.: Да, мы как Маугли. И когда культура разрушается, на чем держится жизнь? Она держится на наших с тобой связях, отношениях.

В.Б.: Управляющий уровень уходит и передается на более низкий...

В.Р.: Тут каждый начинает выступать как потенциальное будущее всех: один говорит, что надо так жить, другой говорит, что надо по-другому, идет общение.

В.Б.: Возникает цветущее многообразие и побеждает нечто...

В.Р.: И кроме культуры и социума как машин, которые складываются, функционируют, усложняются, есть еще такой живой материал, носитель жизни, в котором все это откладывается через людей, через отношения, через этносы.

В.Б.: Догадываюсь, что в этом месте уместно помянуть синергетику, которую ты используешь.

В.Р.: Наверное, да.

В.Б.: Ты же о ней пишешь, где уместно. Вот здесь уместно.

В.Р.: Таким образом, я делаю не только синхронный анализ культур, но и показываю циклы жизни, вплоть до современности, где это уже перестает как бы работать, и надо заново проблематизировать.

В.Б.: Я к этому и подгребаю. В современности внешняя среда не дает человеку реализоваться в культуре, понять ее, и здесь происходят удивительные вещи. Есть естественное время становления, чтобы система вошла в гомеостаз культурно-исторический, и она как-то живет. Но постепенно мутации накапливаются... Кстати, есть очень хорошая идея у Бориса Николаевича Познера из Томска. Он и физик, и культуролог, и философ, семинар Шпета ведет. Он говорит, что культура сама себя все время рефлексит, и возникают институты, он называет их репликаторы. То есть мы видим отражение себя и своей деятельности в окружающих, и оно никогда не совпадает, хотя бы потому, что есть запаздывание. Конфликт между репликой и оригиналом приводит к некому самодвижению, саморазвитию культуры, именно поэтому она все время не удовлетворена.

В.Р.: Да, у меня тоже есть такой механизм рефлексивный, я показываю, что рефлексия всегда создает ножницы между реальным положением и тем, которое... Это один из механизмов.

В.Б.: Причина самодвижения культуры. Это богатая идея, на мой взгляд. И когда скорость изменения внешней среды столь велика, что человек не успевает обустроиваться в быстро меняющейся турбулентной семиотической среде, то происходит что? Тут очень интересно. Это современность. Если в шуме он не может разобраться, он вставляет беруши себе в уши, не хочет ничего слышать. Либо у него отключаются определенные функции, культурные реакции на изменения внешней среды, они просто не успевают, тормозят, и он редуцируется, становится менее размерным человеком. Это проблема, наверное, сегодняшнего дня. Либо он начинает работать с этим быстро изменяющимся миром с помощью иных каких-то средств, которые раньше в культуре не были востребованы. Эти темы как раз выводят на разговоры о сегодняшней реальности. И я хочу, чтобы мы поговорили о том, как методология, та методология, которую ты понимаешь, которую ты знаешь, и не только твоя, как она может помочь современному человеку в управлении. И вообще ее место, по-твоему, в будущем?

Методология сегодня

В.Р.: Что методология может? Она может помочь в двух направлениях. Одно направление связано с критикой традиционно онтологического **видения**, или натуралистического, как говорят. На самом деле это пошло еще от Канта. Уже Кант показывает, что нам многое кажется, когда мы говорим, что нечто существует, а за этим стоит конструктивная деятельность человека, а за этим стоит разум, который обладает системностью, по Канту, этическими характеристиками. Но у Канта это еще недостаточно было артикулировано, и он все-таки еще сам сидел на двух стульях. В этом смысле методология как бы объявляет решительный бой онтологическому **видению**. Она объясняет, насколько я понимаю, драматическую ситуацию в науке сегодня и не только в науке. Это можно легко показать на примере

психологии.

В.Б.: Ну, психология онтологическое видение не достроила единое, там сколько школ, столько... А вот физика...

В.Р.: А физика тем более.

В.Б.: Нет-нет, погоди. Она живет идеалом все-таки единой картины мира. Все, кто строит фундаментальную физику... пятидесятилетние предсказания все-таки сбылись с бозоном Хиггса.

В.Р.: Смотри, какая вещь. В нашем институте есть Казютинский Вадим, который говорит в своих работах, что вселенная, галактики — это физические объекты, и он сам же показывает в своих исследованиях, причем очень убедительно, что по отношению к вселенной и галактике не действует ни один принцип естественнонаучный. Эта картина мира не работает. Показывает, сколько школ крупных — столько и представлений. Эксперимент прямой невозможен, если делается эксперимент, то это интерпретации, причем, они различаются в десятки раз. Вводится антропный принцип. То есть Казютинский, с одной стороны, говорит, что это — физические объекты, и они должны быть поняты в обычной единой картине мира, с другой стороны, он показывает, что это скорее гуманитарная реальность, что и я показываю в своей статье. Он потом пришел ко мне с возмущением.

В.Б.: «Я этого не говорил...»

В.Р.: Я говорю: «Ты же показываешь в своих работах, что космологические теории — это скорее гуманитарные теории». Он возмутился и сказал: «Меня не поймут мои коллеги, которые там». Но через полгода пришел и сказал: «Знаешь, Вадим, наш крупный (я забыл, кто) сказал: “Да, скорее эта теория и такая, и гуманитарная”».

В.Б.: Это правильно, потому что астрономия, в отличие, скажем, от тех опытных наук, которые здесь, на столе как говорится, делаются уже с эпохи Бэкона и Галилея, астрономия как была домысливанием... да, мы косвенно выстраиваем. Со времен античности, как тогда домысливали, как Кеплер домысливал, так и мы домысливаем.

В.Р.: А физику ты не относишь сюда?

В.Б.: Нет, отношу, но дело в том, что разрешающие способности инструментов, точности их, спектральные всякие возможности новые позволяют получать все новую и новую информацию. Домысливать, конечно, можно продолжать. Так вот, я подозреваю, бозон Хиггса и большой, огромный коллайдер — это последние машины.

В.Р.: Я тоже так думаю.

В.Б.: Наверное, все-таки последние. Все остальное делается косвенным образом с помощью выведенных на орбиту могучих телескопов. Земная атмосфера не мешает, можно посмотреть и выстроить обратную задачу. Но обратная задача — тоже задача. Допустим, ты анализируешь авиационную катастрофу. Ящики не нашли, или они как-то уничтожились, но ты видишь развал осколков, видишь, какие массы куда улетели, восстанавливаешь по баллистике, на какой высоте где, что было, и с хорошей вероятностью можешь предположить, был ли там взрыв, или там турбуленция, или еще что-то. Это я к примеру, что обратная задача в науке, в общем-то, вещь, да, сложнее, конечно, чем прямое наблюдение, но тем не менее имеет право на существование. Здесь всегда есть гипотеза ad hoc, и именно таких гипотез становится слишком много. Пока эти гипотезы позволяют в рамках единой картины что-то собирать, ну, есть отклонения, но объяснимые... Но сейчас происходит странная вещь, потому что темная материя, темная энергия развалили просто наши представления о гравитации уже на размере галактики.

В.Р.: Подожди, я все-таки свою позицию изложу.

В.Б.: Я к чему? Что если экспериментальная физика здесь еще может как-то надеяться, то там — это символ веры.

В.Р.: Это не символ веры, а другой тип науки, утверждаю я. В отличие от Степина. Я же не возражаю против физики и того обоснования, которое было выстроено и вылилось в единую картину мира. Но я говорю, обратите внимание, что попытки перенести это на другие...

В.Б.: Вот здесь я согласен.

В.Р.: ...не удалось. Все попытки строить строгий эксперимент в психологии не получается.

В.Б.: И здесь согласен.

В.Р.: Поэтому, что происходит? Да, были когда-то успехи в естествознании. И физике, кстати, поскольку удавалось строить аппараты, и они летали в соответствии с законами. Поэтому показалось, что мы и все остальное можем под эту картину подверстать. Но выяснилось, что нет. Во-первых, выяснилось, что есть зоны других феноменов: это человек, личность, это социальные явления частично, частично. У социальных феноменов есть объективные вещи, которые можно даже моделировать и предсказать. А частично это такой же феномен. Значит, исторические явления, культурные, социальные. И, во-вторых, на самой этой территории обозначились зоны: микромир, макромир и так далее. То есть на самом деле...

В.Б.: Но в физике их пока сшивают, а насчет психологии ты, скорей всего...

В.Р.: Не только в психологии, но и в социальных науках...

В.Б.: И в социальных науках, да.

В.Р.: Или в так называемых... Лайтман «Каббала как наука», духовный опыт. И вопрос: какую позицию здесь занять? Может быть, как в XVIII столетии и в первой половине XX? Сегодня мы еще не можем, но завтра сможем. У меня другая точка зрения, я считаю, что вся наука показывает другое направление. Надо понять, что картина мира, которой пользуется классическая физика — это одна из картин мира, и наряду с ней есть другие. Кстати, я ведь что показываю: гуманитарная наука удовлетворяет довольно строгим критериям, особенно если берешь работы Бахтина, например. Тоже строятся идеальные объекты, есть способы, но другие, проверки эффективности вещей. Там просто другие механизмы, иногда даже теории выстраиваются. То есть, скорее, надо исходить из идеи, что мы имеем дело с разными типами наук, как я говорю, и есть некоторое генетическое ядро, которое складывалось, начиная с античности. И я в своих работах как раз пытаюсь показать, что в античности складывается это генетическое ядро, дальше в Новое время оно дает естествознание. Кстати, естествознание за счет успехов инженерной деятельности как бы подкрепляет себя, говоря, смотрите, мир таков, хотя она сама же его выстраивает. Но поскольку расширяются области, которые не поддаются, то мы можем говорить о гуманитарной науке, о естественной науке и даже о той, что я называю нетрадиционной. Это одна линия.

В.Б.: Кстати говоря, линия Гёте, который строил физику с человеческим лицом, но она была маргинальная.

В.Р.: Вторая линия — это понимание. Ведь что такое, вообще, наше **видение**? Наше **видение** задается схемами...

В.Б.: В подтверждение твоих слов есть еще одна идея, которая и физику как бы немножко дезавуирует, потому что единая онтологическая картина движет фундаментальную науку. Идея генетического ядра, о которой ты говоришь, и то, что теоретическая физика обслуживает все древо физики, есть еще идея первозаконов, первоэлементов. Естественно, вся фундаментальная наука выстроена на этих идеалах, поэтому пока все сшивается. Это не значит, что с темной материей не разберутся, могут разобраться. Хочется надеяться мне, как человеку, из этого цеха вышедшего.

Но есть реконструкция, ведь по комплексам ощущений строится экспериментальное знание. У нас есть зрение, соответственно, возникает оптика; есть осязание; есть понятие тяжести, силы; геометрические размеры; есть терморцепторы и теория теплоты. Все комплексы ощущений связаны с нашей биологической эволюцией, со средой. А если бы была какая-то разумная цивилизация, скажем дельфинов, которые бы физику устраивали в другой среде, под водой? Тогда опыты Галилея со скатыванием шаров — полный бред, парашютирование какое-то, игра в бильярд, где закон сохранения импульсов ярко

выполняется. Попробуй поиграть в бильярд под водой? То есть там в первую очередь развивались бы, на нашем языке, другие разделы физики: какая-нибудь гидромеханика, акустика вместо оптики. Это была бы другая траектория науки, и не факт, что ее сборка пошла бы этим путем. То есть аргументы в пользу твоей позиции, что исторические, генетические траектории из-за средового фактора могли бы дать совершенно другую историю науки. Но ведь есть и другие сюжеты, культуросообразные. Есть табуированные какие-то темы.

В.Р.: Конечно. Я-то скорее считаю, что это связано с разноприродными целыми, о которых я говорил.

В.Б.: Может быть, но хотелось бы все-таки мне, как физику опять же, верить в единую картину, по крайней мере, для обычной природы. А что касается социальной культурной материи, антропологической, то здесь, скорее всего, ты действительно прав.

В.Р.: И заметь, что как раз сейчас основная проблема там.

В.Б.: Там, безусловно.

В.Р.: Это один план. А второй план? Ведь что методология делает? Она показывает интимный механизм нашего *видения*, и в этом смысле природу реальности. Методология говорит, что нам только кажется, что есть мир, это и Кант еще говорил, а на самом деле ведь мы этот мир берем через наш опыт, через наши схематизмы, через наш язык, через наши способы мышления.

В.Б.: А они в свою очередь обусловлены и коммуникацией, и субъективными делами.

В.Р.: И коммуникациями, и той же культурой и так далее. Если это так, а это вроде бы так, и все современное развитие философии гуманитарных наук и социальных подтверждает это. И тогда методология говорит, ну да, мы периодически выходим на то или иное *видение* реальности, мы считаем, что что-то есть, но это вещь не абсолютная, во-первых...

В.Б.: То есть она слепые пятна указывает.

В.Р.: Да. Что это не абсолютная вещь. Не в том смысле, что так устроен мир, а так мы на данном этапе развития можем его представить. Еще очень важная вещь: методология говорит, что не только представить, увидеть, но и организовать. Ведь какой интересный был ход был с Галилеем. Когда Галилей свои создавал работы, тоже *видение* в целом было другое, ему пришлось преодолевать средневековые представления, аристотелевские представления. Он изобрел эксперимент, который позволил по-новому начать видеть реальность. Но мало того, что он изобрел эксперимент, он начал делать первые ходы, чтобы начать эту реальность по-новому воплощать. Особенно Гюйгенс и дальше Гук, Ньютон именно так и шли. И удалось не только изменить *видение* человека, человек начал видеть другие реалии в соответствии с экспериментами...

В.Б.: Ну да, он же замедлил ускорение свободного падения, а заодно обнаружил вещи, которых просто у людей в понятиях не было.

Социальная реальность — будущее

В.Р.: Но дальше оказалось, что можно на основе этого нового *видения* переорганизовать реальность, и появляется новый техногенный мир, которого не было.

В.Б.: Согласен.

В.Р.: И что методология говорит?

Она говорит: если мы хотим решать современные проблемы, то должны каждый раз осуществлять реконструкцию, показывать, что мы имеем дело не просто с некой реальностью, но за этой реальностью стоит история определенная, стоит изобретение особого языка, стоит переорганизация.

Это колоссальная вещь. Если это будет понято, то на самом деле начнется новая эра, по сути дела. От обычной идеи познания научного перейдут к другой, более сложной практике, куда будет включена и сама идея познания, но уже как момент, туда будет включено проектирование семиотических систем и схем, способы переорганизации этих вещей, приобщение людей к новому **видению**, перестройка их способов жизни. То есть само познание будет совершенно перетолковано.

В.Б.: Но это часть цикла.

В.Р.: Часть этого сложного организмического способа.

В.Б.: Вадим, все же здесь есть, как говорится, недоказуемые сюжеты.

В.Р.: Они везде есть.

В.Б.: Конечно, и я вижу, что ты намного более радикален в них, чем, скажем, Вячеслав Семенович Степин, который в своей постнеклассике видит, так сказать, культурную обусловленность, субъектное начало, которое обязательно присутствует в деятельности. Но при этом как у физика, и у меня тоже, есть все же идея, что это здание как-то раз-раз-раз — и соберется. Произойдет некая кристаллизация, а над ней живое следующее, а там фронт самый подвижный — и все это имеет место. У тебя же несколько более релятивистский взгляд, ты идешь от гуманитарной сферы, где он, несомненно, проявляется, потому что если брать картину мира разных культур, народов, то это, действительно, колоссальный разлом. И совершенно не факт, что вообще такая кристаллизация возможна. То есть вера в построение единого знания даже в сфере природы подвергается сегодня сомнению серьезному, и ты являешься одним из лидеров, который показывает — почему? Ты идешь от гуманитарной сферы, она является основным препятствием для построения единого знания.

В.Р.: Я хочу, чтобы не был утерян ребенок... Ведь я же не против кристаллизации. Потому я говорю (на примере Маркса это очень хорошо видно): вот Маркс придумал некую теорию по поводу социальности, она для того времени, для того уровня развития людей многим казалась привлекательной, и люди как бы приняли этот схематизм. Им показалось, что Маркс открыл действительно исторический закон, на основе которого можно... и это увлекло целый ряд популяций, которые строили социализм. Семьдесят лет его существования, а в результате что получилось? В результате этого строительства мы видим и деградацию человека, и кошмарные последствия социальные, и так далее. То есть в этом смысле был прожит цикл — объективный, нельзя сказать, что люди... было бы странно сейчас обвинять большевиков в том, что они вообще заблуждались. Для их уровня и для тех проблем — им казалось, что это действительно реальное решение.

В.Б.: Они и решили определенные исторические задачи, целостность-то сохранилась, индустриализация у них прогрессирует.

В.Р.: Однако эволюция социальная, заметь, социально-антропологическая эволюция показала неконкурентность этого цикла по сравнению, например, с западным.

В.Б.: В таком варианте примитивном, плоском — неконкурентность, а сейчас западный цикл куда-то тоже проваливается.

В.Р.: Тоже проваливается.

В.Б.: И вполне вероятно, что там нужен будет какой-то гибрид.

В.Р.: Это правильно, но я что хочу сказать... Заметь, если мы берем этот цикл, то не можем его рассмотреть без участия людей, потому что сам этот цикл строится как на некоторых объективных, независимых от людей вещей: уровня развития экономики, средств связи и коммуникаций, но также и на **видении**, убеждении людей, на их креативной, творческой...

Получается, что есть некая особая реальность социальная, где есть вещи, похожие вроде бы на физические, в смысле объективности, которые не зависят от нас, и в тоже время там есть структуры, связанные с **видением** человека, с его текущими убеждениями, с возможностями деятельности...

В.Б.: С идеологемами...

В.Р.: ...возможностями, сопротивлением и так далее. И я говорю, да, революция будет происходить по двум направлениям: с одной стороны, мы будем понимать, что очень многие вещи создаем сами, порождаем, постулируем.

В.Б.: Что будущее не предсказуемо, а создается...

В.Р.: Создается. Но есть и другой момент — социальная эволюция, которая все ставит на свои места, правда часто через десятки лет, а иногда и через сотни. Понимаешь? Так вот, и то, и другое — вещи объективные. Поэтому новое **видение**, которое, мне кажется, прокладывает дорогу методологии, будущее за ним. За новым пониманием реальности, пониманием того, что, с одной стороны, реальность нами конструируется, а с другой стороны, она подчиняется социальному тренду, циклу жизни подчиняется. Тут еще что-то получается, а что-то не получается. Например, удалось людям создать самолеты — они летают, это получается, а построить социализм не удается, не получается. Правда, они в разных временах текут, но отбор идет своего рода.

В.Б.: Смотри, появляются поколения, которые не знали, что такое наши 80-е годы, «СССР» рисуют, идеалы социализма, и они его будут строить лет через двадцать, по полной программе.

В.Р.: Думаю, что нет.

В.Б.: Не его, конечно.

В.Р.: В том-то и дело.

В.Б.: Идеалы вечны, есть несколько архетипов социальных, на которых паразитируют политики.

В.Р.: Я думаю, что все-таки это не движение по кругу.

В.Б.: Конечно, конечно, безусловно.

В.Р.: Потому что все-таки языческие боги...

В.Б.: Не вернуться.

В.Р.: ...не вернуться, и если они сохраняются, то только в каких-то нишах. В современной культуре все сохраняется, как мы видим.

В.Б.: Да, конечно. В этом смысле она действительно всеядна, здесь активировано все.

В.Р.: Но не как основной тренд, а как какие-то ниши. И еще один момент, последний. Ведь что показывает анализ современной как раз культуры? Он показывает, что наша культура, культура Нового времени, очень отличается от предыдущих. Это культура, которая допускает множество форм существования,

социальных и жизненных. Например, ты воспитывался в семье, предположим, верующих...

В.Б.: Я в семье военного воспитывался...

В.Р.: Ты в семье военных, кто-то ориентирован технически, отдает в технический ВУЗ, кто-то в гуманитарный. Мало того, структура современного социума очень любопытная, сохраняются лишь некие общие условия, к ним относятся системы коммуникаций, например техника. А дальше в рамках общих условий могут реально разворачиваться и допускаются очень разные формы жизни, и получаются очень разные типы людей.

” В этом смысле уникальность современной культуры в том, что она допускает множественность форм человеческого сосуществования. Это создает и сложности свои, и целый ряд новых перспектив.

В частности, все время возникают проблемы непонимания языков, разного видения реальности, отсюда вопрос о конфигурировании, связях, коммуникациях, трансперсональности и прочих, прочих вещах. То есть это действительно совершенно уникальная культура, именно в силу такого сложного устройства социальности, допускающей множественное многообразие миров. И ведь когда я спорю со Степиным, я ведь именно с этим спорю, потому что невольно он все время пытается реализовать единую реальность, хотя она у него сложная, системная.

В.Б.: Социальная реальность — таких слов я у него не видел. А полиморфизм и многообразие, в общем-то, допустимы. В отношении науки и я эту надежду разделяю.

В.Р.: Но я говорю и о социальности.

В.Б.: В отношении социальности вопрос очень сложный, мультикультурализм, в хорошем смысле слова, никуда не денешь. Разные есть истории развития этносов, семей, культурных традиций. А вот сборку в таком хаосе сделать на локальных культурах не удастся, и возникает идея общечеловеческого. Ее, конечно, дискредитируют где-то, но никуда мы не денемся, начало антропологическое должно быть.

В.Р.: Вот поэтому я говорю, и методология говорит, что сборка не будет носить онтологический характер, она будет носить более сложный...

В.Б.: Конструктивистский...

В.Р.: Не только конструктивистский. Она будет носить характер новой организации человеческой жизни и знания. Например, что мы видим сегодня в науке? Распадение коммуникаций до очень локальных вещей, до чуть ли не отдельного индивида.

В.Б.: Она коммерциализирована, каждый свой огородик за свои деньги...

В.Р.: А каково одно из направлений преодоления, на мой взгляд? Я это пытаюсь практически реализовывать в своем преподавании. Когда я рассказываю своим студентам, что есть на самом деле, я показываю, как именно я понял, как сконструировал, какие обусловленности за этим стоят, что я вышел из Московского методологического кружка, у меня гуманитарный центр. То есть я не просто рассказываю о том, как устроен мир, но показываю, как прихожу к этому, как этот мир порождаю через свою жизнь, через свою деятельность. И говорю: ребята, давайте будем выкладывать каждый свои миры. Но если я буду утверждать, что мир так-то устроен, а ты будешь утверждать по-другому, то ничего, кроме конфликта, у нас не получится.

В.Б.: Домашнее задание: завтра принесите свой мир (*усмехается*).

В.Р.: А если я сумею (это очень не просто, тут методология как раз важна, она будет помогать) отразить, как я это сделал, почему к этому пришел, да еще соотнесусь с тобой, то тем самым

я прокладываю тропиночку к тебе. Показываю, что это не мои просто выдумки и заблуждения. Если и ты такую же вещь сделаешь, то я тоже тебя частично пойму. Это первый план, первый уровень. Кроме своего **видения** реальности, мы выкладываем, как к нему пришли. И это старается делать каждый.

В.Б.: Это создание коллективного ландшафта, так скажем.

В.Р.: Да. Второй уровень: мы начинаем обсуждать, а что нас тут сближает, что различает, почему я так, а другой по-другому.

В.Б.: Ценностные начинаются...

В.Р.: Но исходя из общечеловеческих. Мы хотим понять друг друга, хотим действовать согласованно, поэтому начинаем обсуждать, почему каждый шел по такому-то пути. Это второй уровень. И третий уровень — уровень практических дел. Как когда-то Достоевский говорил, беда России, что у нас нет общих дел. Даже на первом и втором уровне все равно мы можем оставаться каждый в своем панцире, как бы я не обсуждал, почему ты так живешь, а я живу по-другому. Это хоть нас и сближает, я и могу понять тебя, но все равно кардинально не является мостом...

В.Б.: Это только некий предлог к диалогу, к различению. А ты кто такой?

В.Р.: Ты такой, а я вот такой. А третий уровень очень важный. Нам с тобой сказали: ребята, туттакие-то проблемы, пожалуйста, решите их, сделайте так, чтобы людям стало жить лучше.

В.Б.: И каждый со своим багажом будет уместен, и найдутся общие проекты.

В.Р.: Да. И вот тогда, в общих делах, в общей практике, хотим мы, не хотим, но вынуждены будем начать согласовывать эти вещи...

В.Б.: Ты будешь ценить достоинство другого, с его особенностями...

В.Р.: ...выстраивать общую конструкцию, причем, я буду в это вклад делать, ты — в это. Так вот, на мой взгляд, выход к интеграции лежит в новой организации человеческой жизнедеятельности, коммуникации и жизни. Если нам удастся выстроить эти три уровня, то мы будем выходить и на новый способ **видения**, который, кстати, будет достаточно согласован, потому что на третьем уровне, хотим — не хотим, мы будем приходить к общим каким-то структурам.

В.Б.: Понятно, понятно. Ты рассказал так, как будто это не цивилизация человечества, а песочница, в которой все познакомились, а потом сделали общую игру. Но мне кажется, что методологи как раз и востребованы сегодня, но не в песочницах, конечно, а в корпорациях, потому что крупная корпорация уже давно, помимо чисто финансовых и бизнес задач, решает антропологические, социальные проблемы... Опять-таки как человек, пришедший от физики, я вижу междисциплинарные направления: тектология, которая как миф сегодня существует, системный подход, кибернетика, синергетика, и я все время думаю: вот сейчас мы их внедрим. Но понимаю, что есть пропасть, зазор для приятия и понимания дисциплинариями этих задач. Дисциплинарий сидит в узком своем, и нужны какие-то большие сборки, проекты, и надо не только уметь раздать каждому задание, но и объяснить, что ты в общем деле, ты понимаешь общую задачу. Люди себя высоко ставят, это естественно, почему он должен быть пешкой, почему я не должен быть главным? То есть методологическая культура, видимо, должна быть некой основой образования будущего.

В.Р.: Думаю, да.

В.Б.: И она, по-видимому, должна набирать вещи и из той доминанты гуманитарной, о которой ты говорил, и из того, что связано с естественнонаучными корнями, той же синергетики и кибернетики. Это некая будущая методология, которую надо делать. В общем, Вадим Маркович, спасибо тебе огромное, потому что сегодня разговор очень многое прояснил в твоём «скорбном» труде многолетнем. Я понял, что масштаб проекта захватывает. Успеха тебе.

В.Р.: Спасибо.

В.Б.: Спасибо большое.